

які мали або так часто попадали в психіку дітей, що були примушені нудитись у хаті в дощовий день» [2, 84].

У звичному ритмі буденного життя в Інституті шляхетних дівчат наставали моменти, які з щирим духовним піднесенням переживала Ноель: це були святкування Різдва та велич Великодньої ночі, щире спілкування з декількома близькими за духом людьми (сестра Аліна, Таїса), відвідини київських монастирів напередодні завершення навчання. Здавалось, що у ці моменти час іде зовсім по-іншому, а не звично, як у хвилину переживань: «Такав» тільки годинник. Механічне серце числило хвилини життя.

Ноель відтворила в пам'яті всі події сьогоднішнього дня – так, як учили її робити це в монастирі: без роздратування, спокійно, немов усе, що скоїлося, торкалось не її, а іншої, чужої їй, особи. Була вона винна чи ні?» [2, 129].

Особливо глибоко плинність часу переживала Ноель із зміною настроїв природи, душа героїні поривається з чужого їй простору в щасливий південний рай: «Ноель сперлася на вікно й дивилася на голі ще дерева в садку. Обривки думок, як обривки цинових хмар на небі, пливли в її голові. Усміхнулася криво:

– І це – місяць лючень... Карнавальні дні!

А "там"!.. Там цвітуть солодко запасні мімози, вулиці повні гамору, сміху, жарту. Маски, походи серед пісень і сміху, сміху, сміху... А далі прийде травень... Знову всюди – на майданах, на вулицях, у садках – танці завітчаних трояндами дівчат. І це щовечора! А перед тим – урочисті Марійські співи з костьолів, уривчасті акорди органів...» [2, 119].

Образ Ноель, так майстерно змальований Наталеною Королевою, є підтвердженням того, що вдивляючись у нього, пізнаємо і «соціально-історичний хронотоп автора і самі об'єктивні явища» [1, 161]. Суб'єктивність сприйняття часу головною героїнею повісті «Без коріння» найповніше реалізується у просторових образах, сповнених яскравих барв та звуків.

#### Література

1. Копистянська Н.Х. Час і простір у мистецтві слова : монографія / Н.Х. Копистянська. – Львів : ПАІС, 2012. – 343 с.
2. Королева Наталена. Без коріння. Во дні они. Quid est Veritas? / Наталена Королева. – Дрогобич : Відродження, 2007. – 672 с.

**Карпина Е.С.,**

аспірантка,

Горловский институт иностранных языков

ГВУЗ «Донбасский государственный

педагогический университет» (Артёмовск)

#### ТЕМПОРАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОМАНА ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЁВА «ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦ»

Роман Всеволода Соловьёва «Вольтерьянец» (1882) является второй частью пенталогии «Хроника четырёх поколений», посвящённой описанию судеб представителей дворянского рода Горбатовых. Произведение написано в жанре семейной хроники. Хроника (греч. *chronos* – время) – это «литературный жанр, излагающий исторические события в их временной последовательности» [2, 1171]. Семейная же хроника представляет собой своеобразный синтез исторического и семейно-бытового романов, поскольку события жизни главных героев (в данном случае дворян Горбатовых) соотносятся с историческими событиями описываемой автором эпохи.

В центре хроники – время как субъект исторического процесса. Если в собственно историческом романе внимание автора сосредоточено, главным образом, на характерах и взаимоотношениях действующих лиц, являющихся активными участниками исторического процесса, то в хронике организующей силой сюжета является сам необратимый и всеподчиняющий ход времени, которому подвластны судьбы персонажей.

Исходя из композиции и жанрового своеобразия произведения, в его темпоральной структуре нами выделено несколько временных пластов: событийное время,

повествовательное, хроникально-бытовое, историческое и перцептуальное.

**Событийное время** – изображённое время, в котором разворачиваются события произведения. Событийное время романа «Вольтерьянец» связано, главным образом, с событиями, имевшими место в судьбе Сергея Горбатова, главного героя первых двух частей пенталогии, а также в императорской семье.

**Повествовательное время** – время изображения описанных в произведении событий. Данный вид целесообразно выделять в качестве составляющей художественного времени в том случае, если в произведении заметную роль играет автор или если им создан образ вымышленного автора, рассказчика, повествователя как своего рода «ретранслятора» художественного замысла. В большинстве случаев повествовательное время короче событийного, в чём проявляется закон «поэтической экономии» [1, 190].

Повествователь в романах «Хроники четырёх поколений» охватывает панораму описанных им событий с высоты «птичьего полёта». Время изображения и изображённое время разделяют 94 года (действия пенталогии начинают развиваться в 1788 г.). Повествование основано на воспоминаниях, содержащихся в дневнике Сергея Горбатова, случайно найденном «хроникёром» в старинном заброшенном доме, некогда принадлежавшем семье Горбатовых. Таинственные рукописи, доставшиеся вымышленному автору-издателю, – один из приёмов литературной игры Вальтера Скотта, создателя современного исторического романа, одним из подражателей которого был Вс. Соловьёв.

**Историческое время** – форма художественного времени, которой присущи линейность, непрерывность, необратимость, бесконечность и всеобщность. В рамках исторического времени все события, независимо от их размещения в пространстве, находятся в одном временном ряду, причём их последовательность предполагает не только учёт хронологии, но и выявление причинности (в цепи событий исторического времени в принципе нет разрывов, хотя не все звенья изображаются). Только в качестве элементов этого же самого ряда мыслимы любые другие события, т.е. событийное время включается в более широкий поток времени и изображается на фоне точно определённой исторической эпохи.

Основными способами воссоздания исторического времени в романе являются: использование романистом исторических дат и введение в него «примет времени»; годы правления монархов и восхождения на престол с последующей коронацией их преемников; указание на точный возраст некоторых исторических персонажей (в том числе, рождение, совершеннолетие, смерть); даты написания поэтических произведений Г.Р. Державина; датировка писем членов императорской семьи.

**Хроникально-бытовое время** – разновидность художественного времени, функция которой заключается в воспроизведении устойчивого уклада жизни, повторяющихся изо дня в день, из года в год действий и поступков героев. Динамика такого времени крайне условна: в большинстве случаев оно остаётся «пустым», редко «населённым» событиями [3, 76], и, таким образом, не двигает сюжет от завязки к развязке. Хроникально-бытовое время в отличие от событийного не имеет безусловного начала и конца. Хроникально-бытовое время соответствует художественному пространству Гатчины – резиденции цесаревича Павла Петровича, населённой приближёнными к нему людьми. «Здесь время будто остановилось» [4, 71].

**Перцептуальное время** – время, относящееся «к сфере восприятия реальной действительности отдельным человеком» [5, 17]. Ощущение времени каждым персонажем субъективно. В индивидуальном восприятии возможны смещения объективного хода времени, воссозданного в произведении, т.е. ускорения или замедления. Перцептуальное время может быть представлено воспоминаниями, ожиданиями, предчувствиями, мечтами, снами.

Перцептуальное время играет очень важную роль в судьбе большинства персонажей романа. Густав Адольф и великая княжна Александра Павловна, мечтают ускорить ход времени в надежде на близкое счастье. Екатерина II как никто другой чувствует, как быстро летит время и безвозвратно уходят её дни. А.А. Безбородко и П.А. Зубов многое отдали бы, лишь бы замедлить время, ибо чувствуют, что после воцарения нового правителя потеряют

всё то, что ещё сегодня в их власти. Л.А. Нарышкин после кончины императрицы становится заложником прошлого и не находит в себе сил жить дальше. Прошлое не проходит бесследно для Сергея Горбатова и Тани Пересветовой и имеет значительное влияние на их настоящее: годы, проведённые в разлуке, помогают им понять, насколько сильными являются их взаимные и проверенные годами чувства и как сильно они дорожат друг другом.

Таким образом, художественное время в романе Всеволода Соловьёва «Вольтерьянец» представлено пятью пересекающимися и дополняющими друг друга пластами: событийным, повествовательным, хроникально-бытовым, историческим и перцептуальным. Перспективы наших дальнейших исследований связаны с изучением особенностей репрезентации художественного времени в следующих частях пенталогии.

#### Литература

1. Введение в литературоведение : учеб. пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др. ; под ред. Л.В. Чернец. – М. : Высшая школа, 2004. – 680 с.
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / [под ред. А.В. Николюкина]. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.
3. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения / Д.С. Лихачев // Вопросы литературы, 1968. – № 8. – С. 74–87.
4. Соловьёв Вс. Собр. сочинений : в 9 т. / Вс. Соловьёв. – М. : ТЕРРА–Книжный клуб, 2009. – Т. 4 : Хроника четырёх поколений: Вольтерьянец : истор. Роман. – 448 с.
5. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка) : учеб. пособие [для ин-тов и фак. иностр. яз.] / З.Я. Тураева. – М. : Высшая школа, 1979. – 219 с. – (Б-ка филолога).

**Кирюшкина М.И.,**

магистр филологических наук,  
Гомельский государственный университет  
имени Ф. Скорины (Республика Беларусь)

### **ФИЛОСОФИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «ЖЕНСКОГО НАЧАЛА» НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ**

В современной социально-культурной среде важным для обсуждения является вопрос о специфике женской субъективной репрезентации в искусстве или других его подсистемах, что рассматривается двусторонне: с позиции крайнего отрицания или осмысления в контексте культурного / социального мужского опыта. Полоролевые нормы поведения индивида в обществе определяются через следующие дефиниции: мужчина – это человек, женщина – это только представитель женского пола, так как, если она ведет себя как человек, предполагают, что она перенимает социальные функции и роль мужчины. Вопреки культурной парадигме, где женщине чаще отводится вторичная роль, теперь открыто представлен женский дискурс в литературе. Поэтому актуальной является проблема выявления специфических “женских” средств литературной выразительности при отображении женской субъективности в художественных текстах. Это связано со стремлением женщин показать те эстетические и нравственно-духовные представления, что не фиксируются в художественных текстах мужчинами.

Функция авторства в традиционной культуре, по словам Р. Барта [1], служит объяснением происхождения текста, его единства и гомогенности, поэтому традиционная интерпретация текста осуществляется в терминах авторской биографии, исторической ситуации того, кто пишет, социальной позиции, желаний – как попытка зафиксировать и контролировать значение и внутреннюю связность текста. Женщины-авторы способны создавать художественные произведения в рамках мужской традиции. Но в их творчестве обязательно присутствуют произведения/тексты, в которых реализуется уникальная «женская сущность». Стремление к творческой самоидентификации, активный поиск новых формально-стилистических возможностей, определенные философские потенции в среде женщин-авторов породили творческую диффузию в выявлении переживаний и морально-духовных ориентиров авторов. Женская поэзия отличается от мужской не только качественно-